

ГОТОВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ К УЧАСТИЮ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ КАК ПРОБЛЕМА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е.В. Реутов

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант "Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции" № 18-011-00474.

В системе публичного управления Российской Федерации местное самоуправление занимает особое место. Конституцией РФ декларируется его самостоятельность по отношению к государственному управлению, а его органы выведены из системы органов государственной власти (статья 12) [1]. В полном соответствии с буквой Конституции местное самоуправление трактуется и соответствующим Федеральным законом как "самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций" [2]. Таким образом, по крайней мере формально (терминологически и с правовой точки зрения), местное самоуправление не может функционировать вне значимой по своему масштабу и содержанию активности населения муниципалитетов, местных сообществ в определении приоритетов развития и участия в реализации местной политики.

Однако сложившаяся практика осуществления местного самоуправления в Российской Федерации, во-первых, не позволяет говорить о сколько-нибудь значительной его самостоятельности по отношению к государственной власти как федерального уровня, так и уровня субъекта федерации, и, во-вторых, показывает крайне спорадический характер непосредственного участия широких слоев населения в принятии решений по актуальным вопросам развития местных сообществ. И если первая проблема лежит в плоскости развития и функционирования политических институтов и определяется, прежде всего, балансом интересов административно-политических и экономических элит, то вторая, помимо институциональных ограничений, обусловлена особенностями социокультурной сферы общества и, следовательно, не поддается коррекции в средне- и, тем более, в краткосрочной перспективе.

Если говорить об институциональных барьерах, то сложившаяся к настоящему времени институциональная система, с одной стороны, поддерживает местное самоуправление в качестве самостоятельного звена публичной власти, но с другой, последовательно нивелирует многие формы потенциального влияния общественности на принятие ключевых для местных сообществ решений. Наиболее показательными примерами выстраивания институциональных барьеров на пути массового общественного участия являются повсеместный переход в российских муниципалитетах к институту сити-менеджеров в противовес всенародно избираемым главам администраций и постепенный уход от двухуровневой системы местного самоуправления - лишение сельских и городских поселений статуса муниципальных образований, поддержанное властями ряда регионов России.

Правда, "всплески" политизации общества и утрата полноты контроля за электоральной ситуацией в ряде территорий, вызванных пенсионной реформой, заставили вернуться к идее о прямых выборах глав муниципалитетов не только представителей оппозиции, но и системных политиков, стремящихся нарастить свою популярность у избирателей. Так, ввиду будущих выборов с достаточно неопределенным результатом об этом высказался врио губернатора Приморского края О. Кожемяко. Внесение же им в местное законодательное собрание соответствующего законопроекта показало, что федеральный центр, с которым данная инициатива, безусловно, была согласована, дает

разрешение на подобного рода отступление от первоначальной стратегии ради достижения тактических целей [3].

Устранение из институциональных основ местного самоуправления такой системной составляющей, как всенародные выборы главы исполнительной власти в значительной мере выхолащивает сущность местного самоуправления в части права граждан на формирование местных институтов власти и лишает его гибкости относительно балансирования между интересами граждан, с одной стороны, и корпоративных и властных структур, с другой. Можно также отметить, что лишение граждан хотя бы части электоральных полномочий консервирует ситуацию гражданско-политической аморфности общества и канализирует общественные установки в направлении патернализма. Проблема, однако, состоит в том, что государство охотно использует патерналистскую риторику, особенно, в ситуациях легитимационных вызовов, охотно задействует аргументацию, связанную с "незрелостью" общества, во внутривластном курсе, но в наиболее актуальных для россиян социально-экономических вопросах опирается исключительно на либеральные модели. Это отчетливо показала пенсионная реформа.

Между тем, проблема недостаточности общественного участия в местном самоуправлении имеет особую актуальность в нынешней ситуации, которая характеризуется, во-первых, делегитимацией фактически всех политических институтов и политической сферы в целом и, во-вторых, сжатием ресурсной базы публичной власти фактически на всех уровнях управления - и особенно - на местном. Стремление институтов центральной власти к жесткой централизации финансовых ресурсов зачастую перекрывает для региональных и местных сообществ возможные источники развития и служит дополнительным фактором деградации местного самоуправления.

Участие же граждан в местном самоуправлении в данной ситуации, соответственно, является одним из механизмов легитимации публичной власти, прежде всего, на муниципальном уровне, за счет относительно равномерного распределения ответственности за принятие управленческих решений между органами власти и структурами гражданского общества, в том числе - на низовом уровне территориального общественного самоуправления. Включенность населения в систему контроля за реализацией полномочий муниципальной власти и распределением ресурсов, а также стимулирование общественных инициатив позволяют также в ряде случаев минимизировать издержки на создание общественных благ и купировать многие каналы нецелевого использования ресурсов властью на местах.

И, главное, участие граждан в местном самоуправлении способствует формированию у населения набора организационных, коммуникативных и прочих компетенций, необходимых для образования и упрочения социальных связей, и существенно упрощает интеракции между муниципальной властью и сообществом, хотя и делает саму конструкцию муниципального управления намного более сложной и противоречивой.

Однако при этом нужно понимать, что процесс инкорпорации общественного участия в местное самоуправление неизбежно связан с осознанием и поиском способов решения ряда существующих и потенциальных проблем. Первая проблема - ключевая и наиболее очевидная – это *низкий уровень готовности населения к участию в местном самоуправлении и вытекающая из этого слабость самих практик общественного участия*. Как было уже отмечено выше, низкая готовность является следствием не столько административных и институциональных барьеров, но и социокультурных предпосылок - доминирующего в массовом сознании представления о "своей хате с краю" и априорной убежденности в безрезультатности индивидуальной активности, выходящей за пределы приватности. Гражданское участие в настоящее время не представляет собой массовый тренд социального поведения, что вполне объяснимо исходя из нескольких факторов.

Во-первых, это ограниченность и даже замкнутость индивидуального социального пространства большинства россиян. В основном это оно ограничено семейными и дружескими связями. Повседневные заботы, связанные с выживанием и сохранением привычного образа жизни для большинства россиян, доминируют в системе жизненных приоритетов. Подобная атомизация отражается не только на длине радиуса социальных связей и контактов, но отрицательно влияет на адаптационные практики, среди которых доминируют пассивные формы. Результаты мониторинга Левада-Центра (ноябрь 2017 г.) свидетельствуют, что социальная ответственность, даже на уровне деклараций, является установкой, разделяемой меньшинством россиян. Даже за то, что происходит в их доме и дворе в полной или значительной мере чувствуют ответственность чуть более трети респондентов - 36 % (причем, за год эта доля уменьшилась на 11 %). Еще меньше – 29 % – думают, что могут повлиять на ситуацию в доме или дворе. Ответственность за происходящее в городе / районе испытывают значительно меньшая доля респондентов – 14 %, а о возможном влиянии на него утверждают 9 %. В ретроспективе последних двадцати лет – это одни из самых низких значений ответственности и влияния на локальном и местном уровнях [4]. Общественному участию препятствуют не только административные и институциональные барьеры, но прежде всего, социальная апатия и неготовность большей части населения к самоорганизации и выходу за пределы частных жизненных практик. Эта социальная апатия является тактически выгодной местным властям, поскольку освобождает их от общественного контроля, но она же стратегически лишает местные сообщества многих стимулов и ресурсов для развития.

Во-вторых, установлению горизонтальных и вертикальных связей в местных и региональных сообществах, образованию устойчивых ассоциаций препятствует низкий уровень институционального и межличностного доверия. По данным Левада-Центра (сентябрь 2018 г.), ни один социальный институт с потенциалом влияния на развитие местных сообществ, за исключением благотворительных организаций, не обладает объемом доверия, превышающим треть населения. Так, российские благотворительные организации "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 38 % респондентов (год назад - 34 %), не вполне или совсем не заслуживают - 44 % (год назад - 46 %); СМИ "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 31 % респондентов (год назад - 30 %), не вполне или совсем не заслуживают - 62 % (год назад - 63 %); малый и средний бизнес "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 30 % респондентов (год назад - 29 %), не вполне или совсем не заслуживают - 52 % (год назад - 56 %); профсоюзы "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 24 % респондентов (год назад - 22 %), не вполне или совсем не заслуживают - 51 % (год назад - 55 %); региональные органы власти "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 29 % респондентов (год назад - 31 %), не вполне или совсем не заслуживают - 61 % (год назад - 62 %); муниципальные органы власти "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 27 % респондентов (как и год назад), не вполне или совсем не заслуживают - 63 % (год назад - 67 %) [5].

Следствием низкого уровня доверия в местных сообществах является слабость и дискретность социальных связей, нежелание со стороны населения участвовать в инициативах власти, и стремление со стороны власти купировать несанкционированную ей самой активность неорганизованных социальных акторов.

О наличии существенной дистанции между муниципальной властью и населением говорит тенденция к снижению уровня электорального участия. Если в г. Белгороде на выборы городского совета в 2013 г. пришли 25 %, то в 2018 г. - лишь 21,25 % [6]. Относительно высокий уровень избирательной активности в Белгородской области наблюдался лишь в муниципальных районах с преобладанием сельского населения, в которых, как правило, отсутствуют механизмы независимого наблюдения, сохраняется возможность жесткого административного контроля поведения избирателей и культивируется советская традиция отношения к выборам, как к празднику. В масштабах России высокая явка на муниципальных выборах остается прерогативой ограниченного

круга регионов с высокой управляемостью электоральным процессом - национальных республик, некоторых областей Поволжья, Кемеровской области. В Москве на муниципальных выборах 2017 года явка составила менее 15 % [7].

Мониторинг социального самочувствия населения Белгородской области, проведенный ОАУ «Институт региональной кадровой политики» в июле 2017 г. (N=1272 респондента), показал, что в тех или иных формах непосредственного гражданского участия на местном уровне (ТОС, сходы и собрания граждан, публичные слушания и др.) в течение последнего на момент опроса года участвовали около четверти респондентов (26,2 %). Лишь 12,1 % опрошенных признали себя участниками общественных организаций.

При этом нужно признать, что данные показатели являются крайне неустойчивыми и ситуативными, поскольку в значительной степени зависят от реализуемых муниципальной властью проектов и разовых акций, требующих массового участия для соответствия целевым показателям либо в целях легитимации. Из этой ситуации - слабой достоверности имеющихся объективных данных о реальном участии населения в местном самоуправлении и непонимания характера этого участия - вытекает вторая проблема - *диагностическая*. Готовность населения к участию в местном самоуправлении является переменной с очень приблизительными значениями ввиду отсутствия в подавляющем большинстве муниципалитетов системы ее мониторинга.

Между тем, развитие практик общественного участия в местном самоуправлении и реально, а не номинально действующего территориального общественного самоуправления невозможно без понимания ситуации, сложившейся к настоящему времени в регионах и муниципалитетах. Соответственно, изучение готовности населения к участию в местном самоуправлении и территориальном общественном самоуправлении представляет собой прикладную исследовательскую задачу, определяемую потребностями муниципальных образований в новых направлениях и ресурсах развития, минимизации административных издержек и формировании солидарных общественных отношений.

Социологическая диагностика готовности населения к участию в местном самоуправлении и территориальном общественном самоуправлении включает в себя комплекс исследовательских подходов к трактовке проблемы и сформированных на их основе блоков работ.

Для достижения ключевой цели и в рамках поставленных задач необходимо:

- определить характер и степень местной самоидентификации жителей региона, и субъективно воспринимаемую зону личной ответственности за ситуацию на микро- и мезоуровне социальных отношений;

- определить степень информированности жителей Белгородской области о существующих формах участия в местном самоуправлении и территориальном общественном самоуправлении, прежде всего, с целью понимания эффективности действующих каналов информирования и заинтересованности местных властей в подобном "просвещении" жителей;

- диагностировать уровень реального общественного участия и предпочтительные практики участия в местном самоуправлении и территориальном общественном самоуправлении, сформировать карту общественного участия по отдельным муниципальным образованиям, поселенческим и социально-демографическим группам;

- определить эффективность существующих институтов территориального общественного самоуправления на местах и уровень реальной включенности граждан в их функционирование;

- определить комплекс факторов, влияющих на включенность граждан в местное самоуправление и территориальное общественное самоуправление и выявить приоритетные факторы.

Результатом социологической диагностики должны стать, прежде всего, систематизированные факторы участия населения в МСУ, факторы формирования готовности населения к участию в МСУ, ТОС и других институциональных формах

общественного участия, на основе которых можно сформулировать рекомендации по коррекции существующей ситуации и приоритетных мерах по преодолению социальной апатии, с одной стороны, и стимулированию органов власти и общественных объединений к заинтересованному взаимодействию с населением.

Данные рекомендации должны стать основой для принятия управленческих решений, но, - и здесь мы видим третью проблему, связанную с готовностью населения к участию в МСУ - потенциал общественного участия может оказаться невостребованным местной властью либо в силу конфликта интересов власти и сообщества, либо из-за неспособности власти придать общественному участию современный институциональный дизайн.

И из этого вытекает третья и четвертая проблемы - *неготовность системы муниципального управления к инкорпорации практик массового участия и необходимость создания и поддержания функционирования институтов массового участия.*

Система муниципального управления в подавляющем большинстве российских муниципалитетов в настоящее время представляет собой совокупность групп интересов, находящихся друг с другом в отношениях конкуренции и ситуативного сотрудничества по поводу распределения ограниченного объема ресурсов. Среди этих групп наибольшим весом обладают: региональная власть, муниципальная бюрократия и руководство муниципальных учреждений, аффилированный с региональной и местной властью бизнес, как правило, представленный в составе муниципальных советов, верхушка узкого круга общественных объединений, допущенных к реализации региональных и муниципальных программ и проектов. При этом, как правило, четких границ между группами интересов не существует в силу постоянных трансферов их участников, но существует определенная система допуска (иногда жесткая, иногда - относительно мягкая) в сами эти группы. Естественно, включение в эту систему внешних акторов, во-первых, ставит под угрозу монополию региональной и муниципальной элиты на распоряжение ресурсами, и, во-вторых, потенциально расширяет круг бенефициаров управленческих решений. Ну и, как было отмечено ранее, инкорпорация общественного участия в муниципальное управление существенно усложняет процесс принятия решений - начиная от увеличения времени на различные согласования и заканчивая ростом их содержательной дифференциации.

Реальный, а не формальный общественный контроль над системой муниципальных закупок, реализацией муниципальных программ и проектов, бюджетных и градостроительных решений может нарушить сложившийся управленческий механизм, в котором четко расписаны все этапы, отлажен документооборот, заготовлены шаблоны итоговых документов. Причем, в ряде случаев, как, например, в системе государственных и муниципальных закупок власти действительно находятся в ситуации жестких временных ограничений и зачастую вынуждены нарушать сроки работ по благоустройству или строительству социальных объектов и подписывать акты о якобы выполненных работах из-за невозможности выделить финансовые средства, провести конкурсы и работы в течение календарного года. Вполне закономерно, что инкорпорирование общественного участия в данные сферы будет наиболее болезненно восприниматься со стороны власти, и именно здесь ею будут формироваться различные имитирующие общественное участие формы - такие как наблюдательные и общественные советы и пр., состоящие из представителей общественных объединений, ТОСов, получающих гранты из муниципальных и региональных бюджетов.

Между тем, благодаря требованиям к открытости государственных и муниципальных закупок анонимные и не анонимные представители интернет-аудитории получили возможность обнаруживать и обнародовать системные казусы, связанные с закупками. Так, целый ряд белгородских телеграм-каналов обнародовал факт проведения торгов на реконструкцию главной площади Белгорода после ее проведения [8]; местные СМИ по обращениям граждан опубликовали материалы о том, как администрация Белгородского района не желает вмешиваться в самовольное перепрофилирование

земельного участка, на котором вместо коттеджа собственник строит торговый центр, а публичные слушания по данному поводу хочет провести задним числом [9]; по ходу дискуссии в социальных сетях можно отследить реакцию граждан на планируемую администрацией Белгорода отмену троллейбусного сообщения [10]; благодаря сообщениям граждан власти муниципалитетов области при желании имеют возможность осуществлять мониторинг деятельности организаций ЖКХ и здравоохранения, выявлять проблемы в функционировании социальной инфраструктуры. И этот ряд сообщений и публикаций, иллюстрирующих заинтересованность граждан в общественном контроле деятельности местной власти на примере только Белгородской области и только за последние несколько месяцев, можно продолжать и далее.

И если совокупность факторов, связанных с развитием институциональных и технологических возможностей общественного контроля муниципального управления, ростом гражданской активности граждан и, возможно, доброй воли муниципальных властей к предоставлению общественности неформальных и, отчасти, формальных полномочий в выработке ключевых решений, продолжит оказывать воздействие на муниципальное управление, перед его участниками встанет проблема реинституционализации участия населения в МСУ, то есть создания и поддержания функционирования институтов массового участия в МСУ.

Наиболее перспективными направлениями реинституционализации участия населения в МСУ в существующих условиях могут быть:

- развитие (там, где они есть) или создание интерактивных технологических платформ, инициирующих и поддерживающих вертикальные и горизонтальные коммуникации в местном сообществе. В настоящее время далеко не все муниципалитеты обладают поддерживаемой местной администрацией системой электронной коммуникации по типу "Активного горожанина" в Белгороде. В остальных муниципалитетах региона функции вертикальной и горизонтальной коммуникации с разной степенью эффективности выполняют местные интернет-сообщества и отчасти телеграм-каналы. В настоящее время в региональном сегменте Рунета действуют такие сообщества, как: «Подслушано Алексеевка», «Белгород – это интересно», «Белгород. Сейчас», «Публичный Старый Оскол», «Подслушано в Новом Осколе», «Короча наизнанку», «Шепот Шебекино», «Подслушано Валуйки» и другие. Территориальные интернет-сообщества региона неоднородны по качеству и направленности. Группы с активным администрированием отличаются в выгодную сторону по регулярности публикаций и качеству контента. Также в них занимают большой объем материалы общественно-политической направленности. И если ставить задачу повышения готовности населения к участию в МСУ, то местные сообщества должны рассматриваться муниципальными администрациями в качестве значимого ресурса обратной связи и в данном качестве - поддерживаться финансово и информационно. Начавшаяся несколько лет назад практика встреч глав местных администраций с блогерами и администраторами социальных сетей в последнее время в большинстве муниципалитетов сошла на нет, показав тем самым меру заинтересованности местных властей в альтернативном информационном поле. Возможно, для поддержки нетрадиционных медиа местным властям следовало бы продумать систему грантов и конкурсов, для получения и победы в которых должны были бы использоваться не критерий участия в информационной поддержке инициатив администрации, а, напротив, критерий остроты информации и способности вскрывать и позиционировать проблемы местного сообщества;

- перевод в онлайн существующих форм общественного участия и контроля. Речь идет, во-первых, о необходимости интернет-трансляции заседаний муниципальных органов - местных советов и их комиссий, муниципальных общественных палат, публичных слушаний. В ближайшей перспективе необходимо предусмотреть поправки в местную нормативную базу, позволяющие проводить мероприятия, требующие общественного участия, в интерактивный формат - прежде всего, речь идет о публичных слушаниях. В

настоящее время их проведение местные власти, наоборот, стараются, как правило, максимально скрыть от общественности, чтобы избежать неудобных вопросов по поводу правомерности тех решений, которые связаны с бюджетной и, главное, с градостроительной политикой. Очень часто эти решения являются очень спорными, поскольку связаны с пересмотром нормативов, принятых самими же муниципальными органами, и несущими в себе потенциал конфликта, поскольку ущемляют интересы тех или иных социальных и локальных групп в пользу местной власти или аффилированных с ней групп давления (девелоперов, работающих по принципу "точечной" застройки, бизнеса, открывающего предприятия в непосредственной близости от жилых кварталов и без соблюдения экологических нормативов, и т. п.). Тем не менее, как бы это не было неудобно для власти, недопущение социального взрыва и системной деградации социальной и природной среды местных сообществ требуют включения в процесс принятия решений разнообразных групп интересов - общественности, предпринимателей, экспертного сообщества и пр. Одним из наиболее перспективных направлений развития интерактивных форм общественного участия является контроль процесса капитального ремонта МКД, который до настоящего времени представляет собой "больное место" муниципального управления во многих местных сообществах. Низкое качество работ, отклонение от сметы, плана и нормативов, непрозрачность процесса выбора подрядчика вызывают недовольство жителей территорий, которым "посчастливилось" попасть в соответствующие программы. Отмеченные проблемы капитального ремонта следовало бы положить в основу механизмов, алгоритма и технологий общественного контроля, сочетающего элементы традиционной и электронной коммуникации;

- развитие краудфандинговых платформ, позволяющих организовывать сбор финансовых и других средств на реализацию социально значимых проектов. В настоящее время такие инструменты достаточно часто используются различными благотворительными организациями - преимущественно, работающими с социально-незащищенными группами населения, людьми, страдающими заболеваниями, требующими значительных затрат для их лечения или таргетирования. Проблема его использования в интересах местного самоуправления состоит в том, что в большинстве местных сообществ отсутствует системная работа по краудфандингу ввиду разрозненности и слабости местных НКО, неготовности местной власти к их комплексной поддержке, отсутствию у местной власти репутации, необходимой для аккумуляции финансовых средств на реализацию муниципальных проектов и, главное, несформированности технологических платформ, позволяющих не только собирать средства, но и контролировать их расходование. Соответственно, при организации при участии муниципальных органов социально значимых краудфандинговых проектов необходимо использовать технологические платформы, обладающие максимальной степенью прозрачности. Нужно также продумать систему преференций для потенциальных жертвователей, формирующих долгосрочную мотивацию к участию в краудфандинговых проектах.

Данными направлениями не исчерпывается процесс реинституционализации участия населения в МСУ и развития готовности населения к участию в нем. Для выявления иных перспективных направлений и пересмотра приоритетов необходим системный мониторинг, осуществляющийся на принципах краудсорсинга при участии местной власти, заинтересованных и экспертных групп, а также использование технологий искусственного интеллекта и работы с большими данными, позволяющих строить количественные модели социальных, экономических, архитектурных, логистических, криминальных процессов, определяющих жизнь местных сообществ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.03511056332796758#04106280971916314 (дата обращения: 14.10.2018).

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=291279&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.33809090299221123#03986175144837145> (дата обращения: 14.10.2018).

3. Врио губернатора Приморья вынес на обсуждение депутатов законопроект о выборах мэра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3771298> (дата обращения: 15.10.2018).

4. Ответственность и влияние [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/13/17013/> (дата обращения: 12.10.2018).

5. Институциональное доверие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения: 12.10.2018).

6. Коммунисты отбили у «единороссов» три округа на выборах в городской совет Белгорода [Электронный ресурс]. URL: https://abireg.ru/n_70302.html (дата обращения: 12.10.2018).

7. Явка на муниципальных выборах в Москве составила около 14,8 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/578590> (дата обращения: 12.10.2018).

8. В мэрии Белгорода объяснили нестыковки в госзакупке на ремонт Соборной площади [Электронный ресурс]. URL: <https://www.go31.ru/news/2173837/v-merii-belgoroda-obasnili-nestykovki-v-goszakupke-na-remont-sobornoj-plosadi> (дата обращения: 19.10.2018).

9. «Параллельная реальность». Как в Дубовом строят торговый центр, но чиновники не замечают этого [Электронный ресурс]. URL: <https://fonar.tv/article/2018/10/19/parallelnaya-realnost-kak-v-dubovom-stroyat-torgovyi-centr-no-chinovniki-otricayut-eto> (дата обращения: 19.10.2018).

10. Илья Варламов попросил мэра Белгорода сохранить городские троллейбусы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.go31.ru/news/2164226/ila-varlamov-poprosil-mera-belgoroda-sohranit-gorodskie-trolleybusy> (дата обращения: 18.10.2018).

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ (НЕСТАБИЛЬНОСТИ) МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

М.Н. Реутова

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474

Социальное неравенство, присущее любому обществу на любой стадии его социально-экономического развития, связано с неодинаковым доступом индивидов и групп к системе социальных ресурсов, значимых для их существования, без существенных шансов на изменение ситуации. Для общества социальное неравенство играет двоякую роль: с одной стороны, дестабилизирует его, порождая процессы социальной эксклюзии и спрос на перераспределение доходов, с другой – стимулирует людей к индивидуальным достижениям и сдерживает иждивенческие настроения.

В связи с этим большую роль в нейтрализации социального неравенства играет социальная мобильность. Социальная мобильность – это «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [5, с. 373].